

УДК 821.112.2-2(091)
ББК ШЗЗ

ГСНТИ 16.21.33

Код ВАК 10.01.03

В. О. Возмилкина V. O. Vozmilkina

Е. Г. Доценко E. G. Dotsenko

Екатеринбург, Россия Ekaterinburg, Russia

ИСПЫТАНИЕ ГЕРОЕВ ПОЛИТИКОЙ И РЕЛИГИЕЙ В РОМАНАХ Э. ГАСКЕЛЛ

POLITICAL AND RELIGIOUS TRIALS OF THE CHARACTERS IN THE NOVELS BY ELISABETH GASKELL

Аннотация. В статье романы Э. Гаскелл «Мэри Бартон» (1848), «Руфь» (1853), «Север и Юг» (1855) рассматриваются в связи с политическими и религиозными проблемами, с которыми сталкиваются герои. Обнаруживается взаимосвязь обращения к политической ситуации в стране в эпоху 1830—1850-х гг. с нравственными установками в английском романе XIX в. На примере творчества Э. Гаскелл продемонстрирована специфика социального романа, возможности эволюции героя в викторианской литературе.

Ключевые слова: Э. Гаскелл; викторианство; социальный роман; политический конфликт; чартизм; англиканская религия.

Сведения об авторе: Возмилкина Валерия Олеговна, аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 277.
e-mail: vozmilkina@mail.ru.

Сведения об авторе: Доценко Елена Георгиевна, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 279.
e-mail: eldot@mail.ru.

Abstract. The article dwells on the novels «Mary Barton» (1848), «Ruth» (1853), «North and South» (1855) by E. Gaskell in connection with political and religious problems which the characters are to solve. The authors of the article reveal the relationship between the political situation in 1830–50s and moral standards in the English novel of the XIX century. On the example of E. Gaskell's works, the article shows the specific features of the social novel and the possibilities of evolution of a literary character in Victorian literature.

Key words: E. Gaskell; Victorian era; social novel; political conflict; Chartism; Anglican religion.

About the author: Vozmilkina Valeria Olegovna, Postgraduate Student of Department of Russian and Foreign Literature.

Place of employment: Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

About the author: Dotsenko Elena Georgievna, Professor of Department of Literature and Methods of its Teaching.

Place of employment: Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Э. Гаскелл была современницей серьезных изменений, затронувших в 30—50-х гг. XIX в. все сферы английского общества. Особое значение для представителей всех классов имели политические реформы, которые постепенно трансформировали парламентскую систему Англии. Отголоски политических проблем можно обнаружить во многих произведениях писателей-викторианцев — Диккенса, Теккерея, Дж. Элиот. Но именно от Э. Гаскелл уже в первом романе «Мэри Бартон» мы узнаем о том, что рабочие Манчестера и окрестных городов обращаются с петицией к парламенту страны. Речь идет о первой чартистской петиции, отразившей недовольство экономическим положением населения промышленных районов: «Только один из 100 (19.000) лондонцев подписали петицию Чартистов в марте 1839 г., по сравнению с Бирмингемом (94.000), где подписи поставила большая часть его населения» [Inwood 1998: 619]. Известно, что в действительности 12 июня 1839 года парламент Англии отклонил петицию чартистов, под которой стояло более одного миллиона двухсот тысяч подписей. Отказ парламентариев выслушать рабочих спровоцировал в дальнейшем стачки по всей стране.

Другая особенность середины XIX века в Англии — необходимость в реформировании и собственно реформирование религиозной системы: «Ранневикторианский период был, по сути, эпохой религиозной» [Harrison 1973: 150]. Несмотря на привычное и в целом правильное представление о Великобритании этого периода как стране с абсолютным доминированием англиканства, церковная организация была сложной и неоднородной. Помимо англиканской церкви, существовала церковь католическая и множество последователей протестантизма — так называемые «диссентеры», или нонконформисты, чьи приходы были особенно сильны «в недавно разросшихся городах основных промышленных регионов» [Harrison 1973: 151]. Для севера Англии, и, в частности, Манчестера, где жила Гаскелл и где разворачивается действие ее первого романа, политические и религиозные проблемы оказывались в равной степени актуальны, однако в литературе нашли далеко не одинаковое отражение. «Политика, — как отмечает Б. М. Проскурнин, — все очевиднее становилась самостоятельным явлением в национальной культуре, важным элементом системы духовных ценностей нации, и литературе пришлось начать осознать

эстетическую “достаточность” этого феномена» [Проскурнин 2000: 6].

Э. Гаскелл интересовали противоречия в жизни общества. Ее знакомство не только с людьми высшего сословия, но и с представителями рабочего класса давало ей возможность показать и достаточно эмоционально оценить существующие конфликты, хотя она не стремилась переносить на страницы книг известные ей по непосредственному опыту ситуации. Так, отвечая на вопрос о подлинности ее героев в романе «Мэри Бартон», Э. Гаскелл указывала в дружеской переписке: «Никто и ничто не реален в “Мэри Бартон” (мне жаль, но я должна сказать правду), за исключением характера Джона Бартон. Обстоятельства отличаются, но характер и некоторые из его речей точно принадлежат одному бедному человеку, которого я знаю» [Gerin 1976: 87].

Внимание Гаскелл к рабочему классу было вызвано его бедственным положением. В романе «Мэри Бартон» писательница красноречиво рассказывает о жизни бедняков. Лишившись работы на фабрике, отец семейства, Джон Бартон, не имеет возможности вылечить маленького сына от скарлатины: «В доме в ту пору не хватало самой простой еды, чтобы накормить семью раз в день» [Гаскелл 2013а: 34]. Э. Гаскелл не раз упрекали в чрезмерном количестве трагических сцен в повествовании: «Болезненный элемент, очевидный в ее ранних произведениях и становящийся с годами все более заметным, должен восприниматься в качестве составной части эмоциональной реализации Элизабет — оборотной стороны ее обычно веселого и кипучего духа, в качестве темной стороны комического взгляда на жизнь — в равной мере свойственного в конце концов и ее великому современнику Диккенсу» [Gerin 1976: 81]. Э. Гаскелл в каждом из своих социальных романов пытается разрешить общественные конфликты своего времени не напрямую, а проводя своих героев через серьезные духовные потрясения.

В этом смысле важную роль играет религиозность самой писательницы. Э. Гаскелл не только принимает «общехристианские ценности» в качестве основы подлинно нравственного поведения, но и показывает поликонфессиональность викторианской Англии. И в этом уже отличие от других «ранневикторианских» классиков, для которых религия — это по умолчанию религия англиканская. В середине XIX века в Англии на фоне обнищания населения официальная церковь не предприняла попыток стать ближе к народу. Поэтому в рабочих районах стали особенно активно распространяться раскольнические (или диссентерские) настроения. В то же время нарастает политическая напряженность, и вторая петиция рабочих уже и в Лондоне собрала гораздо больше сторонников, чем первая: «В мае 1842 года, когда толпа, как минимум, из 100000 лондонцев

прошла к парламенту со второй петицией, старая апатия исчезла. Лондон становится центром чартистской воинственности» [Inwood 1998: 620].

Время выхода романа «Мэри Бартон» — 1848 год — совпадает с кульминационным для чартизма моментом, однако создано произведение несколько раньше и обнаруживает истоки политической активности пролетариев в тот момент, когда ни сама писательница, ни ее герои еще не знали, чем эта активность обернется. Э. Гаскелл обратилась к эпохе конца 30-х годов: «Основное действие в романе “Мэри Бартон” повествует о 1838—1840-х гг.: в 1841 году был коммерческий кризис, настроения голодных сороковых, требования чартистов, — все это придало импульс повествованию» [Easson 1979: 48]. Реформа 1832 года, в соответствии с которой произошли серьезные изменения в избирательной системе страны, не давала, однако, права рабочим избираться и иметь политическую власть. «Реформа дала право голоса тем, кто обладал собственностью, и только 1/20 часть населения имела политические права», — отмечает А. А. Аникст [Аникст 1956: 270]. Недовольные реформой организовали движение рабочих, которое позже и получило название чартизм. Он был «продуктом индустриальных районов, реакцией на страдания, производимые индустриализмом» [Williams 1969: 49]. Представители этого движения выступали за выполнение парламентом требований «People's Charter» («Народной Хартии»), из названия которой, собственно, и возник термин. Джон Бартон, герой одноименного романа Э. Гаскелл, чартист: он является членом рабочего союза. Нужда доводит его до отрешения от догматов официальной церкви. Однако Гаскелл в этом романе разрешает конфликт, не обращаясь к проблеме и религии инакомыслящих. Ее герой совершает убийство «по политическим мотивам» и погибает, терзаемый муками совести. Просветление, испытываемое Бартоном на пороге смерти, связано не с идеей протеста, которую Гаскелл не принимает, но с глубоким и искренним раскаянием. «Джон Бартон совершил свое деяние только с одной целью: испугать целое сословие людей, которые, по мнению тех, кто стоит ниже их, стремятся лишь побольше выжать из рабочего за меньшую плату, или в крайнем случае к тому, чтобы устранить опасного соперника — фабриканта, напугать тех, кто мешает рабочим добиться своих прав. Джон Бартон верил в это, и все же, едва улеглось первое возбуждение, его настиг Мститель, неумолимый Мститель. Но теперь Джон понял, что убил человека и брата; понял, что зло никогда не принесет добра, даже тем страдальцам, чье дело он так слепо защищал» [Гаскелл 2013а: 500].

Если Евангелие и его истины («не убивай», «не прелюбодействуй», «не противься злему», «любите врагов ваших», «не судите, да не су-

димы будете», «просите, и дано будет вам») в «Мэри Бартон» дают названия целому ряду глав и в конце концов объединяют героев, то в более поздних романах Э. Гаскелл появляются межконфессиональные разногласия викторианской Англии, которые вписываются и в историю социального неравенства, и в историю духовных испытаний, через которые проходят сами герои. Открыто о диссентерах в лице пастора Бенсона и его прихожан Гаскелл пишет в романе «Руфь», а теоретические разногласия между различными тенденциями англиканской церкви представлены в «Севере и юге».

Диссентерский пастор Бенсон в романе «Руфь» принимает участие в судьбе девушки бескорыстно и самоотверженно. Этот герой, без сомнения, симпатичен автору, как и религия, которую он исповедует. Авторская симпатия подсказывает читателю предпочтения самой Гаскелл, которая считает религию диссентеров подлинно христианской — не в смысле соответствия некой схоластической «букве», но как исполняющую заповеди заботы о ближнем и милосердия. Пастор Бенсон и его сестра принимают в свой дом девушку, совершившую «грех» и осуждаемую обществом с позиций викторианской морали: «Руфь спасло христианское милосердие мистера Бенсона, который лгал окружающим относительно обстоятельств ее прошлого» [Easson 1979: 112].

В XIX веке протестанты, к которым принадлежал пастор Бенсон, уже не подвергались гонениям за инакомыслие, но и не встречали официальной поддержки, как господствующая англиканская церковь. Движение диссентеров пользовалось популярностью в рабочих районах севера Англии: исследователи отмечают растущее число диссентеров к середине века «среди самых бедных» [Clark 1965: 175]. У Э. Гаскелл: «Бедняков привлекала сюда любовь к своему пастору и убеждение, что религия, которую он исповедовал, не могла быть неправой» [Гаскелл 2013b: 161]. По логике Э. Гаскелл, исповедующей христианство в унитарном варианте, несчастье «падших» лучше понимает та церковь, которая сама испытала несправедливость дискриминации. Доброта мистера и мисс Бенсон оказалась выше всякой социальной этики: благодаря их участию у Руфи и ее незаконнорожденного ребенка появился шанс восстановить свое доброе имя в обществе. День крестин мальчика Леонарда в диссентерской церкви обозначил новый этап в жизни Руфи, который можно — в тех же религиозных терминах — обозначить как путь от грехопадения к покаянию и служению. Обращение к Богу стало для Руфи спасительным шагом.

Впрочем, испытания Руфи не закончились с возвращением в лоно церкви. Девушка, которую соблазнил и бросил светский повеса Беллингем, в доме Бенсонов получает не только духовную опору, но и образование. Речь идет о последовательном развитии личности: Руфь занимается

воспитанием собственного ребенка, становится гувернанткой чужих детей, своим безупречным поведением и нравственным чувством заслуживает уважение окружающих. «Разоблачение» юношеского греха Руфи вновь отбрасывает ее на нижние ступени социальной лестницы, но теперь уже сила духа самой героини несгибаема, она помогает нуждающимся во время эпидемии, возвышается до уровня мученицы, жертвующей своей жизнью ради спасения других.

В романе «Руфь», написанном в 1853 году, Э. Гаскелл продолжает развивать и политическую тему, на этот раз связанную не с противостоянием между рабочими хозяевами, но с предвыборной борьбой. К этому времени политическая жизнь Англии представляла собой явление организованное и прогрессирующее, с точки зрения расположения на политической карте страны различных партий. Партийные единомышленники организовывали клубы, которые выполняли функции политических организаций. Еще в 1832 году консерваторами был основан Карлтон клуб [Harrison; эл. ресурс], а в 1836 году членами либеральной партии был открыт Клуб реформ [The Reform Club; эл. ресурс]. Деятельность этих организаций напоминала работу современных предвыборных штабов, которые ставили своей целью проводить агитационную работу для влияния на исход выборов. Понимая важность изменений, происходящих в системе управления и законодательства страны, автор обращает наше внимание на методы политической борьбы, многие из которых актуальны и сегодня, но бесконечно далеки от нравственных норм, принципиально значимых для любимых героев писательницы.

Мистер Брэдшоу, владелец мануфактур и один из немногих богатых прихожан церкви, где служит пастор Бенсон, надеется выдвинуть в парламент своего человека, который будет представлять там интересы диссентеров. Предвыборная работа Брэдшоу подразумевает использование целого ряда политических технологий. Для начала он решает использовать свой дом в Эклстоне в качестве предвыборного штаба. Именно там принимают мистера Дона, который выбран агентом как наиболее подходящий кандидат. Его выдвижение сопровождается аналитической работой штаба. Так, выясняется, что в округе 600 избирателей. 200 человек будут голосовать за конкурента — мистера Крэнурта, 200 человек — это рабочие или люди, связанные с мануфактурой, то есть потенциальные избиратели, которые проголосуют за нужного кандидата. Сложность возникла с оставшимися двумястами избирателями: они колебались в принятии правильного решения. Именно эта группа избирателей стала объектом борьбы конкурентов Брэдшоу и Крэнурта, так как именно от ее голосов зависел исход выборов. Безымянный агент мистера Брэдшоу поставил перед собой цель найти способ заставить сомневающуюся часть электората

принять верное решение. Одним из способов воздействия на людей стал подкуп: «Кто хочет достичь успеха даже в добрых делах, должен снизойти к людским слабостям и действовать разумно» [Гаскелл 2013b: 266]. Религиозность самого мистера Брэдшоу испаряется, когда становится понятно, что без подкупа избирателей не обойтись: «Было бы довольно некстати в столь близкое к выборам время вспомнить, что подкуп, какими бы словами его ни называли, попросту говоря, грех» [Гаскелл 2013b: 272]. Очевидно, что на политической арене цель зачастую оправдывает средства: «Славная цель реформа законодательства оправдывает, по моему мнению, все средства ее достижения...» [Гаскелл 2013b: 267].

Хотя кандидат мистера Брэдшоу выиграл выборы («Мистеру Брэдшоу удалось достичь своей цели: его кандидат выиграл выборы, а гордые противники были посрамлены» [Гаскелл 2013b: 321]), его дальнейшее поведение не оправдало надежд диссентера: «Вообще нынешний член парламента обнаружил слишком большую готовность действовать в соответствии с чужими советами, причем ему было не важно, кто их давал, — словно ленился взвешивать их мудрость...» [Гаскелл 2013b: 322]. Сарказм Гаскелл очевиден: богач, который «устал кататься на яхтах, путешествовать и желает чего-то новенького» [Гаскелл 2013b: 262], принадлежал лагерю либералов, но не был диссентером, интересы которых он должен был представлять. Легкомыслие мистера Донна, который баллотируется в парламент и не имеет представления о предстоящей работе, и мистера Брэдшоу, сделавшего ставку на неподходящего кандидата, дискредитируют значимость парламентских выборов.

Для фабулы самого романа «политическая» линия, противопоставленная религиозному смирению Бенсонов и Руфи, особенно значима, поскольку под маской Донна скрывается все тот же соблазнитель Беллингем. Благодаря предвыборным мероприятиям в графстве, судьба снова сводит Руфь и ее бывшего возлюбленного. Уже практически победив в городе эпидемию смертельной болезни, страшная сиделка Руфь заражается от своего последнего пациента — Беллингема, возвышаясь в своей смерти до немислимых высот: «Это история раскаяния и искупления прямо из Евангелия; поведение, такое же, как у Марии Магдалены, умывающей и вытирающей своими волосами стопы Иисуса Христа: пылкое и демонстративное, по существу, “женское” поведение» [Clark 1965: 130]. Любопытно, что героя, казалось бы, наиболее требующего перевоспитания, Гаскелл перевоспитывать отказывается: Беллингем-Донн был бесчестным ловеласом в юности и становится бесчестным политиком, устав от юношеских забав. Ему даже не дано понять смысл самопожертвования Руфи. Религия и политика, вновь столкнувшись

в концовке романа «Руфь», оказываются еще более противопоставленными друг другу: лишь один путь ведет к вечному спасению, но за другим закреплено процветание на Земле.

В этом смысле не хотелось бы однозначно соглашаться с пониманием религиозных исканий героев Гаскелл исключительно как проповеди христианского смирения. В нашем литературоведении идеи милосердия и смирения у писателей-викторианцев традиционно связывают с попыткой реализма XIX века разработать свою программу решения общественных и социальных противоречий: «Диккенсу и Гаскелл ближе были проповеднические тенденции и идеи христианского милосердия, определившие этическое содержание их романов» [Сидорченко 2004: 22]. Думается, что вопросы религии не могли занимать Гаскелл преимущественно в прагматическом плане. Действительно, в первом из своих романов писательница приводит практически всех героев к высокому смирению перед своей судьбой, уравнивая таким образом бедных и богатых, молодых и старых, здоровых и больных, но многие персонажи при этом покидают Англию (с ее насущными проблемами) — в буквальном или метафорическом смысле. Более поздние произведения предлагают раскаяние и смирение лишь избранным персонажам, тогда как вопросы политические или экономические решаются либо остаются нерешенными, часто находясь принципиально в стороне от духовно-нравственных поисков тех самых «избранных».

Роман Э. Гаскелл «Север и Юг» (1855) также интересен с точки зрения соотношения политического и религиозного планов. Это произведение в большей степени развивает политическую тему, начатую Гаскелл в романе «Мэри Бартон». Помимо тематических переключек в описании деятельности рабочих союзов и стачек, появляется новый ракурс изображения забастовок глазами и рабочих, и фабрикантов. В индустриальном обществе утверждаются актуальные для эпохи формы взаимоотношений: «Те, кто установили новые мельницы и фабрики, мощные капиталисты XIX века, нанимали на службу рабочих для запуска машин. Новые отношения стали доминирующими в английском обществе: между владельцами и исполнителями, боссами и рабочими, капиталом и трудом» [Haslam 2000: 6].

В этом смысле позиция фабриканта Джона Торнтона кажется рациональной и позитивной. Он рассуждает не столько о своей материальной выгоде и индивидуальном превосходстве, сколько о необходимости бесперебойного производства, на которое он потратил годы каждодневного труда. В его речи нет оскорбляющих достоинство рабочих фраз или намеков на их желание стать хозяевами вместо него. Герой Э. Гаскелл высказывает суждения о личной свободе рабочих и своем отношении к ним, исходя из взаимовыгодного интереса: «Я пола-

гаю, мои интересы идентичны интересам моих рабочих и наоборот» [Гаскелл 2011: 149].

Нейтральная позиция по отношению к рабочим не спасает фабрику Торнтон от забастовки, а затем и от вторжения разъяренной толпы в его дом: голос пытающейся урезонить бунтовщиков Маргарет «заглушили топот бесчисленных ног у самой стены дома и свирепый хор грубых, разъяренных голосов, словно рычащих от удовлетворения, более ужасный, чем сердитые крики несколько минут назад» [Гаскелл 2011: 217]. Одной из причин, подтолкнувшей рабочих на открытое заявление протеста против условий труда, стал приезд ирландцев, согласных за небольшое жалованье выполнять аналогичную работу. Качество работы ирландцев быстро разочаровывает хозяев: «...неумело те справляются со своей работой и озадачивают своих новых хозяев крайним невежеством и тупостью» [Гаскелл 2011: 281]. Поэтому после забастовки хозяева раскрывают двери фабрик, чтобы впустить вчерашних бунтовщиков: «Завтра двери фабрик широко распахнутся, чтобы впустить всех, кто устремится на работу хотя бы ради того, чтобы показать, что они не имеют никакого отношения к забастовке» [Гаскелл 2011: 282].

Распределение политической и религиозной активности в романе «Север и Юг» своеобразно. Отец Маргарет — мистер Хейл — был священником Англиканской церкви, но, усомнившись в правильности догматов Церкви, отказывается от сана. «Я страдаю во имя совести, мое дитя... Я должен делать то, что велит мне моя совесть» [Гаскелл 2011: 44], — объясняет пастор дочери свое решение уехать в Милтон. Став в глазах церкви еретиком, изгоем, мистер Хейл вынужден довольствоваться скромным местом частного учителя в промышленном городе «на севере». Верность своей совести дорого обошлась ему: в Милтоне умирает миссис Хейл, семья вынуждена жить в стесненных условиях. Несмотря на это, бывший пастор не изменил своих убеждений. Э. Гаскелл в какой-то момент соединяет проходящих через страдание героев, чьи поступки не совпадают с требованиями официальной церкви и трудового законодательства. Совместная молитва в доме Хейлов, пришедшая на смену «активному» политическому или антицерковному протесту, становится одним из наиболее трогательных моментов в романе: «Маргарет — сторонница Церкви, ее отец — раскольник, Хиггинс — атеист, все вместе преклонили колени» [Гаскелл 2011: 288]. Показательно, что сын мистера Хейла, Фредерик, женился на католичке и «удалился от той религии, в которой был крещен» [Гаскелл 2011: 318]. Со смертью мистера Хейла религиозные мотивы в романе перестают играть значимую роль, однако и позиция самого героя, и его неожиданный уход из жизни оставляют нас с чувствами сожаления и своего рода недосказанности.

Догматические споры на уровне собственно англиканской церкви, также осознающей необходимость реформ, Э. Гаскелл не анализирует столь так подробно, как это позднее сделает Э. Троллоп: «Мы слишком поспешно объявляем злом всякий раскол в нашей церкви. Умеренный раскол... привлекает внимание к предмету споров, вербует сторонников из равнодушных и учит размышлять над религией» [Троллоп 1970: 167]. Но проблема заявлена. Оксфорд, ставший центром «католического возрождения» [Harrison 1973: 153] и дискуссий вокруг так называемой «высокой» англиканской церкви, в романе присутствует именно в связи с мистером Хейлом: бывший пастор умирает в Оксфорде, где он когда-то учился и где остаются его друзья. В определенном смысле эта смерть сопоставима с искуплением Джона Бартон и возвышением Руфи: мистер Хейл возвращается к своим истокам, его земная миссия завершена, хотя он гораздо меньше «подготовлен» к смерти, чем два предыдущих персонажа. Кроме того, благодаря данной сюжетной линии противостояние промышленного севера и сельскохозяйственного юга в романе дополняется вопросами веры — теоретическими в Оксфорде и практическими, требующими реальной заботы о ближнем, — в Милтоне.

Будучи сторонницей не самой распространенной, унитарной, ветви христианства, но представляя своим творчеством настоящий мейнстрим викторианской литературы, Э. Гаскелл во всем выступает за компромисс и толерантные отношения — между людьми, между конфессиями, между классами. Писательницу часто критиковали за утопический подход к решению острых проблем, но фактически она обращает наше внимание, скорее, на поиск наиболее продуктивных методов решения общественных конфликтов. Так, в романе «Север и юг» после забастовки мистер Торнтон сблизился с рабочим Хиггинсом и всерьез занялся улучшением условий труда на производстве. Профессиональный и дружеский союз фабричного рабочего и хозяина сохраняется, даже когда Торнтону приходится объявить о банкротстве: «Мисс Хейл, у меня есть документ, подписанный по кругу моими рабочими и, как я подозреваю, составленный Хиггинсом, в котором они подтверждают свое желание работать на меня, если я снова получу право нанимать рабочих от своего имени» [Гаскелл 2011: 534].

Персонажам, которые не заканчивают свой жизненный путь на страницах произведений писательницы (и чаще всего это главные герои), Э. Гаскелл дает возможность пересмотреть свои жизненные убеждения, осознать ошибки, прийти к счастью через взаимопонимание. Ее героиням Мэри Бартон, Маргарет Хейл, Молли Гибсон достается очень разное образование, зато их воспитание связано с

теми уроками, которые преподносит жизнь и которые не проходят бесследно. Если для Гаскелл «промышленная ситуация — это матрица человеческих отношений» [Linder 1980: 32], то модель компромисса «севера» и «юга» на благо будущего развития промышленности и страны применима и к пониманию ее героями выпавших на их долю испытаний как трудного, но необходимого начала пути к самосовершенствованию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникст А. А. История английской литературы. М.: Учпедгиз, 1956. 464 с.
2. Гаскелл Э. Мэри Бартон: Роман / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013(а). 544 с.
3. Гаскелл Э. Руфь / Пер. с англ. А. Степанова. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013(б). 480 с.
4. Гаскелл Э. Север и Юг: Роман / Пер. с англ. В. Григорьевой, Е. Первушиной. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 544 с.
5. Проскурнин Б. М. Английский политический роман XIX века: Очерки генезиса и эволюции. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. 286 с.
6. Сидорченко Л. В., Бурова И. И., Аствацатуров А. А. История западноевропейской литературы. XIX век: Англия: Учебное пособие для студентов филологических факультетов высших учебных заведений / под ред. Л. В. Сидорченко, И. И. Буровой. СПб.: СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. 546 с.

7. Троллоп А. Барчестерские башни: Роман / Пер. с англ. И. Гуровой. М.: Художественная литература, 1970.

8. Beer P. "Reader, I married him". A study of the Women Characters of Jane Austen, Charlotte Bronte, Elizabeth Gaskell and George Eliot. London: Macmillan Press LTD, 1974. 213 p.

9. Clark G. K. The Making of Victorian England. London: Methuen & Co. Ltd, 1965. 311 p.

10. Easson A. Elizabeth Gaskell. London etc.: Routledge & Kegan Paul, 1979. 278 p.

11. Gerin W. Elizabeth Gaskell. A biography. Oxford: Clarendon press, 1976. 318 p.

12. Harrison J. F. C. The Early Victorians 1832—1851. St. Albans, Herts: Panther, 1973. 224 p.

13. Harrison L. The most important of all Conservative clubs. URL: <http://www.cityoflondon.gov.uk/things-to-do/visiting-the-city/archives-and-city-history/london-metropolitan-archives/the-collections/Pages/carlton-club.aspx> (дата обращения 17.11.2014).

14. Haslam D. Manchester, England: the story of pop cult city. London, Fourth Estate, 2000. 320 p.

15. Inwood St. A History of London. London: Macmillan, 1998. 1111p.

16. Linder Ch. Fictions of Commodity Culture: From the Victorian to the Postmodern. Aldershot: Ashgate, 1988. 190 p.

17. The Reform Club URL:<http://www.londontown.com/LondonInformation/Leisure/The-Reform-Club/150d7/> (дата обращения 17.11.2014).

18. Williams D. John Frost: A Study in Chartism. New York: A. M. Kelley, 1969. 355 p.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. С. И. Ермоленко.